

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(=511.132)

Н. В. Горинова, Е. В. Ельцова

СТРУКТУРНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМ А. ЛУЖИКОВА*

Современный коми поэт Александр Лужиков – автор поэм «Коми поэма» (1988), «Один рассказ» (1994), «Пера мой оплакиваемый, ясное солнце мое» (2001), одна из основных особенностей которых – многослойность соединения исторических событий с мифологическими сюжетами; образов реальных исторических личностей с персонажами из коми фольклора. Такой художественный прием позволяет автору выразить свои переживания о судьбе народа коми и его будущем, а также осмыслить характер коми человека в аспектах его исторического и мифологического развития. «Коми поэма» посвящена теме политических репрессий 1930-х гг. В ней представлен герой, противоположный героям коми поэм советского периода, то есть антигерой, который не обладает ни нравственной стойкостью, ни величием духа, ни способностью преодолеть острые жизненные противоречия. Такая дегероизация в «Коми поэме» – следствие деидеологизации общества в 1990-е гг. Поэма «Пера мой оплакиваемый, ясное солнце мое» – это многочастное лирико-философское произведение, во многом связанное с фольклором коми, что проявляется в стиле обрядовых похоронных причитаний – «бёрддчанкыв». Автор использует многие структурно-поэтические компоненты плача: различные повторы, синтаксический параллелизм, устойчивый круг поэтических средств, формульных образов. В поэме оплакивается герой коми преданий, богатырь-охотник Пера, который предстает как символ народа коми. Причитая над ним, лирический герой оплакивает величие и мощь своего народа в прошлом. Поэмы Лужикова свидетельствуют о пороговом, обобщающем этапе его творчества, являя собой качественно новый этап развития коми поэмы как жанра.

Ключевые слова: современная коми поэма, А. Лужиков, лирический герой, образ, фольклорная традиция, народное предание, обрядовое похоронное причитание, поэма-плач, тема репрессий, тема власти и человека, национальный характер, мотив, метафора, символ, композиция.

Исторически поэма как жанр появилась в коми литературе в сер. XIX в. в творчестве И. Куратова – ее основоположника. Его автобиографические, исторические, общественно-политические и философские поэмы положили осно-

* Публикация подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-4 «Коми литература: опыт художественного развития в связях с классическим наследием».

ву для дальнейшего развития этого жанра. Таковым станет XX в., когда появятся поэмы советских писателей: В. Лыткина, А. Размыслова, И. Вавилина, В. Попова, Ю. Васютова, А. Ванеева, С. Попова. Каждый из них привносит новую грань в развитие общественных, эстетических и жанровых представлений о поэтическом эпосе. Наряду с существенными различиями между собой, коми поэмы XX в. сближает стремление авторов воплотить героику строительства новой жизни, как выражение эпического мироощущения народа [Демин 1997, 214]. Поэмы А. Лузикова в новейшей коми литературе отражают качественные изменения этого жанра соответственно значимым политическим и социальным изменениям.

Александр Михайлович Лузиков (1964–2006/07) – один из немногих современных коми поэтов, в чьем творчестве поэма получила свое активное развитие. Автор трех поэм: «Коми поэма» (1994), «Ӧти висьтасьӧм» («Один рассказ», 1994), «Бӧрданӧй, Пераӧй, югыд шондӧй» (2001), – А. Лузиков сегодня – один из самых значимых поэтов коми литературы, тяготеющий к гражданской и философской лирике. Он же – переводчик, автор прозаических и драматургических произведений, являющихся примером гражданственности, искренности переживаний за судьбу родной земли и коми народа.

«Коми поэма» завершает первый раздел его стихотворного сборника «Енӧжшӧрса ордым» («Небесный путь», 1994), озаглавленный автором «Ловпу» («Ольха») и отличающийся от двух последующих [«Восьса небӧг» («Открытая книга»), «Арся кывбурьяс» («Осенние стихи»)] частым обращением к исторической тематике. В стихотворениях этого раздела поэт подвергает сталинский период развития российского общества глубокому осмыслению и оценке, воссоздавая духовную атмосферу страны под гнетом тоталитарного правителя. Тема политических репрессий получает воплощение в его стихотворениях: «Вӧркута да уна-уна зона йылысь...» («О воркутинской и многих-многих зонах»), «Пожӧг. 1937 во» («Пожег. 1937 год»), «Сьӧдӧдӧм да едждӧм бӧрас» («После потемнения и просветления»), «Бытьӧ воймӧм крестьяс» («Словно потемневшие кресты»). Мысли об истязаниях невинных людей, об их безымянных могилах в Коми крае, глубоко тревожат лирического героя, оставляя на сердце зияющие раны. Отметим в разделе «Ловпу» сквозной образ крови: кровавая смерть, невыносимые истязания, ведущие к смерти, смертельные раны, мучительная смерть Христа – как основной мотив стихотворений этого раздела, позволяя А. Лузикову осмыслить нравственные проблемы современности, некоторые аспекты национального мировосприятия, истории народа коми, вопросы гармоничного развития личности, проблему свободы личности в тоталитарном государстве. «Коми поэма» как заключительное произведение раздела «Ловпу», становится своеобразным итогом художественного осмысления автором этих проблем, резюмируя и сочетая тематические блоки, разрабатываемые в первой части сборника. Хотя «Коми поэма» невелика по объему, она представляет собой сложное многоплановое произведение. Высокая концентрация мысли и чувств достигается в ней сочетанием исторического дискурса с современностью, реалий действительности – с мистикой, ирреальностью, а также раскрытием глубоких общественных противоречий через внутренний мир лирического героя.

Поэма визуально поделена на шесть частей, однако структура ее явно тяготеет к диалектической триаде «тезис – антитезис – синтез». В тезисе лирический

герой задает тему своих безрадостных рассуждений: он обуреваем сомнениями, способен ли народ коми на предательство, которое может привести его к вырождению. Точкой отсчета здесь становится сюжет о гибели героя коми фольклорных преданий охотника Йиркапа в озере Синдор. Этому поспособствовали его односельчане, позавидовав сопутствовавшей ему удаче в промысловой охоте. В антитезисе герой пытается оправдать свой народ тем, что в годы советской власти зыряне помогали жертвам сталинских репрессий, невзирая на возможные преследования со стороны органов НКВД. Однако третья часть поэмы – синтез – выявляет пессимизм лирического героя относительно характера своего народа: зыряне способны на предательство, способны на подлость во имя спасения своей жизни; многие односельчане, коллеги по работе, соседи и даже родственники зырян стали жертвами доносов своих соплеменников, были вынуждены покинуть родину, и многие из них не вернулись назад. По мысли лирического героя, зырян как нации уже не существует – они погубили себя в сталинские времена, предавая соотечественников из страха за свою жизнь. Отсюда в поэме эсхатологические мотивы, отсылающие читателя к последним временам, описанным в Священном Писании: «...прошлой, времен Сталина, зимой, / друг друга продавали. / Самих себя мы давили. / Словно Йиркап в полынью вошли...» [Лужиков 1994, 42]. Этот фрагмент во многом соотносится с повествованием Иисуса Христа о конце света, когда Он говорит о предательстве людьми друг друга как об одном из самых ярких подтверждений кончины века: «и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине беззакония многих, во многих охладает любовь...» (Евангелие от Матфея, 24:10-12). Лирический герой А. Лужикова воспринимает нынешнее физическое существование своего народа как фикцию, поскольку описанный Иисусом период «последних времен» в жизни коми народа уже был, так что духовно эта нация уже мертва.

Несмотря на звучащую в финале безнадежность, лирический герой все-таки изыскивает возможность духовного возрождения нации. В четвертой части внимание автора концентрируется на личности святителя Степана Пермского, имя которого связано с поворотным для истории Коми края событием: крещением зырян (XIV в.). В литературе коми личность Крестителя и его деятельность в земле коми оцениваются неоднозначно. Так, в драмах О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» («Поэма о Храмах») и Тима Вена «Изкар» крещение зырян Степаном Пермским рассматривается в негативном ключе, поскольку, по мнению этих авторов, с христианизации Коми края начался процесс ассимиляции народа, потери им своей самобытности и идентичности. А. Лужиков утверждает иной взгляд на деятельность святителя: вера в Единого Бога, привнесенная Степаном Пермским в жизнь коми человека, оградила его от многих роковых ошибок. Поэт считает, что этому содействовал не столько Господь, служителем Которого был святитель, сколько сам Степан. Именно он, его слово, его молитвы уберегли зырян, по мысли автора, от братоубийства, от убийства соплеменников, от убийства очередных Йиркапов. Известно, что после революции 1917 г. русская православная церковь претерпевает гонения со стороны государства, применявшего радикальные меры для упразднения религиозного догматизма в общественном сознании. По мысли

А. Лужикова, отступничество от православной веры привело зырян обратно к язычеству, способствовало возвращению к варварству, как способности пойти на моральные преступления в трагические переломные моменты истории (например, при деспотии Сталина), как это случилось с Ёиркапом в языческий период истории коми нации. Судя по четвертой части «Коми поэмы», народ еще в силах восстановить свой духовный облик, вернувшись к христианским ценностям или обрета сильного духовного наставника, такого, как Степан Пермский.

Исследование поэмы А. Лужикова в контексте исторического развития жанра позволяет говорить о типологических изменениях, происшедших в его поэтике в кон. XX в. Большая часть коми поэм посвящена героическому подвигу человека и народа. Это, как правило, описание масштабных исторических событий, раскрытие ценностного смысла, общественного значения деяний, требующих от человека или народа высшего напряжения духовных и физических сил, мужества и самоотверженности. Так, проявление мужества зырян в годы Гражданской войны ярко раскрывается в поэмах В. Лыткина «Мунёны» («Идут», 1927), В. Чисталева «Му вежандыр» («Время обновления земли», 1927), Н. Фролова «Домна» (1938), В. Елькина «Шуд вёсна» («За счастье», 1939), героический подвиг народа времен Великой Отечественной войны воплощается в поэмах С. Попова «Вошлём морт» («Без вести пропавший», 1957), «Машук» («Машенька», 1959), В. Попова «Сьылісны бабаяс, сьылісны» («Пели бабы, пели», 1963), А. Ванеева «Сёнъясын ёткодь вир» («В жилах единая кровь», 1972). Герои этих поэм – это люди нравственно стойкие, обладающие величием человеческого духа, способные преодолеть (зачастую ценой своей жизни) острые непримиримые противоречия. Поэма А. Лужикова, в отличие от этих произведений, сосредоточена на совершенно иных чертах характера коми человека, на противоположных тем, которые выявлены другими авторами. Прежде всего Лужиков подчеркивает духовную слабость зырянина, его способность пойти на предательство во спасение своей жизни. «Коми поэма» (в противовес остальным коми поэмам) антигероична: коми люди в ней не восхваляются. Наоборот: их поведение во времена политических репрессий резко осуждается. А. Лужиков представляет в поэме иной взгляд на коммунистическое прошлое страны. Идеология компартии, как известно, всячески поощряла и демонстрировала боевые и трудовые подвиги граждан СССР (в том числе через литературу), зачастую скрывая моральные их преступления, тем самым демонстрируя духовную мощь своего народа. Демократизация общественных отношений открывает современникам «закрытые» прежде советским правительством страницы истории нашей страны и позволяет осмыслить факты политических репрессий. В отличие от своих предшественников, А. Лужиков имеет возможность не идеализировать советскую историю своего народа, «рассекретить» его моральные преступления, даже не пытаясь оправдать его поступки безвыходным положением перед незаконными действиями советской власти. «Коми поэма», дегероизируя национальный характер, деидеологизируя повествование, резко выделяется на фоне остальных поэм коми и выявляет новые направления развития этого жанра в национальной литературе.

Художественное наследие Александра Лужикова – самобытное явление литературы коми. Главная особенность его творчества – глубокая социальность: его произведения проникнуты высокой гражданственностью; его удручают

и духовное состояние современного общества, и характер современника. Так, тема предательства и связанная с ней тема политических репрессий в произведениях А. Лужикова в целом раскрывают видение автором неоднозначного и противоречивого характера современника. По мнению поэта, отсутствие силы воли и несгибаемости духа приводят человека к некоему маргинальному состоянию: сам того не желая, он оказывается на границе двух миров – реального и ирреального. В большей степени эта мысль выявляется в драме «Ыджыд висьом» [Горинова 2013, 46–54], где герой постоянно блуждает между сном и явью, не осознавая, в каком мире он находится в данный момент. В «Коми поэме», как и в стихотворении «Сьөдөдөм да едждөм бөрас» («После потемнения и просветления»), пограничная зона проходит в населяющих зырянские земли людях: в их душах живут и страдают также души невинно осужденных и погибших в Коми крае людей. Раскрытие маргинальности характера современника выявляет глубоко гражданские чувства поэта, его беспокойные размышления о дальнейшей судьбе коми народа, о духовных перспективах зырян, переживающих разрушение традиционных устоев – и социально-политических, и морально-нравственных.

О кардинальных переменах, претерпеваемых жанром поэмы на рубеже XX–XXI вв., свидетельствует также поэма А. Лужикова «Бөрданай, Перай, югыд шондй», которой присущи многие новаторские черты. Наиболее существенные из них – различные жанрово-структурные преобразования, символизация и усиление условно-метафорического пласта, усиление лирического и субъективного начал. Эти особенности – следствие глубоких размышлений автора о характере коми человека, попытка поэта представить суть зырянского народа в историко-мифологическом срезе, чему во многом способствует художественная переработка А. Лужиковым фольклорного материала. За весь путь своего развития, начавшийся в сер. XIX в. в творчестве И. Куратова, коми поэма не раз обращалась к сюжетам, мотивам и образной системе устного народного творчества. По мысли В. Демина, «фольклорная традиция, ставшая едва ли не определяющей в начальный период становления поэтических жанров коми литературы, оказалась настолько богатой и многообразной, что дала толчок и развитию жанра поэмы» [Демин 1978, 18]. Поэмы И. Куратова «Пама» (1859–60), «Яг Морт» («Лесной человек», 1870–75), М. Лебедева «Көрт Айка» («Железный старец», 1928), «Яг морт» («Лесной человек», 1928), «Юрка» (1928), И. Вавилина «Тарас дед» («Дед Тарас», 1959), В. Попова «Сьылсны, бабаяс, сьылсны» («Пели бабы, пели», 1963) – все основаны на произведениях коми фольклора. Поэма А. Лужикова «Бөрданай, Перай...» тоже многими нитями связана с устным народным творчеством. Особенно отчетливо в ней прослеживаются связи с поэтикой обрядового причитания коми – «бөрдөдчанкыв» плачевое слово. Разные виды причитаний, с их композиционно-поэтическими особенностями, обогащают художественную литературу, насыщая литературные традиции. Так, в фундаментальную историко-филологическую работу ученого-филолога Г. Лыткина «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (1889) включены «Плач зырянской земли» (Коми йөзлөн бөрдан кыл) и «Плач зырянской церкви» («Коми вичколөн бөрдан кыл»). Элементы народного плача входят как составные части произведений коми поэтов советского периода: в лирическую поэму В. Савина «Ныв

шог» (Девичье горе, 1920) и поэму В. Попова «Сьылісны бабаяс, сьылісны» («Пели бабы, пели», 1963). Названные авторы используют текст или элементы причитаний как составную часть более крупного произведения, в то время как поэма А. Лужикова целиком выдержана в стиле поэмы-плача. При этом она – сугубо авторское произведение: не прямое подражание корневому фольклору, а оригинальный конструкт с ярко выраженным авторским языком и стилем.

Основу поэмы А. Лужикова «Бёрданаёй, Пераёй...» составляют похоронные причитания, которые в поэтическом их перевоплощении претерпевают некоторые изменения. Например, привязанность причитаний к определенному ритуалу, в данном случае – к похоронам: как правило, причитать начинали «на этапе оповещения о смерти» и продолжали «при вносе гроба, прощании в доме, выносе гроба, на пути на кладбище» [Филиппова 2014, 141]. В поэме А. Лужикова оплакивается давно умерший герой коми и коми-пермяцких преданий Пера, при этом сам обряд похорон героя поэт не воспроизводит – он оплакивает Перу не как его современник, а как наш современник. Кроме того, в поэме наблюдаются изменения, касающиеся исполнителей плача: ими, как правило, выступали женщины; здесь же причитания исполняет лирический герой, мужчина. Эти и другие изменения, внесенные А. Лужиковым в жанр плача при создании художественного произведения, не меняют общего элегического настроя причитания, который достигается автором благодаря следованию правилам построения поминальных обрядовых причитаний. Так, поэт использует устойчивый круг художественных средств, формульных образов, свойственных народному плачу; часто встречаются обращения к оплакиваемому, построенные по типу народных причитаний о покойнике с его возвеличиванием, воспеванием, задабриванием. Нередки в поэме и целые ряды постоянных повторяющихся эпитетов, благодаря которым создается идеализированный образ богатыря-защитника. Сравнения в поэме Перы с солнцем, с утренней зарей – традиционны и для похоронно-поминальных причитаний коми: *бёрданаёй, Пераёй, югыд шондйёй* ‘Пера мой оплакиваемый, ясное солнце мое’, *сьёлмиёрёй, авьяёй, олём югыдйёй* ‘сердцевина сердца моего, хороший мой, свет жизни моей’, *вына Пераёй* ‘богатырь мой Пера’, *удал Пераёй* ‘удалой мой Пера’, *вунлытёмйёй, авьяёй, олём югыдйёй* ‘незабвенный мой, хороший мой, свет жизни моей’, *авьяёй дай удал Пераёй* ‘хороший и удалой Пера мой’, *пуксьём шондйёй* ‘закатившееся солнце мое’, *зарни тусьёй* ‘золотое зернышко мое’.

Нагнетание экспрессивной интонации, эмоциональный накал чувств, кульминация трагедийности в поэме А. Лужикова, как и в народном причитании, достигаются различными повторами: фонетическими, морфологическими, лексическими (особенно анафорическими), синтаксическими, интонационными, а также использованием ритмико-синтаксического параллелизма: особенно выделяются вопросительные интонации, что текстам народных причитаний тоже свойственно. Смысл их близок к смыслу вопросов похоронных коми причитаний, в которых оплакивающий, открывая тему сиротства, беззащитности, одиночества, вопрошает покойника о том, почему тот умер, почему оставил своих родных сиротами и как им дальше жить без него. Повторы и синтаксический параллелизм в поэме способствуют созданию определенного ритма плача с его атмосферой, близкой к медитативной. Ритмическое звучание создает особый

настрой, поэтичность, лиричность, задушевность, а ритмика 3-стопного хоря с дактилическими окончаниями в нечетных строках усиливает напевность стиха лужиковской поэмы. Следование А. Лужиковым законам строения жанра плача позволяет выразить глубокое горе лирического героя поэмы, пережившего потерю близкого человека. В связи с этим особого внимания заслуживает личность оплакиваемого лирическим субъектом человека. Это – Пера, богатырь-охотник, в образе которого архаические черты соседствуют с чертами реального лица. Основные сюжеты преданий о Пера представляют его как защитника родины и угнетенного народа, победителя вражеского войска и победителя лешего (вõрса) [Конаков 1999, 302]. В образе Перы «поэтизированы» душевная стойкость, сила, непримиримость к врагу, беспредельная преданность родному народу и высокие гражданские черты» [Демин 1978, 5]. В поэме А. Лужикова, как и в народном предании, Пера выступает олицетворением силы, справедливости, удачливости в охоте, при этом автор обобщает образ народного героя, наделяя его чертами мессианского лидера, вождя. Эти характеристики выражены в метафоре «подув из» 'краеугольный камень' (букв. 'камень в основании'), использованной лирическим героем поэмы в раскрытии образа богатыря-охотника. Выражение «краеугольный камень» получило широкое распространение благодаря Библии, где в основном оно использовалось как метафора. «Краеугольным камнем» в Слове Божьем выступает Иисус Христос: как сказано в книге Исайи, «Посему так говорит Господь Бог: вот Я полагаю в основании на Сионе камень, камень – испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится» (Исайя 28:16). Подобно «краеугольному камню», Христос был положен в основание народа Божьего: на Его Святом имени построена христианская религия, жизнь верующих людей. Называя героя фольклорных преданий «краеугольным камнем», А. Лужиков проецирует черты Спасителя на Перу, жизнь и дела которого, по мысли автора, служат основой исторического развития коми народа, его благополучного состояния. Исходный фольклорный образ в поэме проходит сначала процесс метафоризации (богатырь *окаменел* – его сердце легло в основу жизни народа – «подув изйõн лõма тэнад сьлõмыд»), а затем еще и процесс символизации. Иными словами, лирический герой поэмы А. Лужикова поэтизирует не только Перу-богатыря как конкретного героя фольклорных преданий, но – в его лице – и весь свой народ. Восхищаясь силой и мощью народного героя, лирический субъект восхищается силой народа коми в стародавние времена; оплакивая же смерть Перы, он оплакивает великое прошлое зырян: «*Важся кадõ дзебõма, / гуся дзебасõ, / коми йõзлысь вежõрсõ, / вынсõ, эбõссõ*» 'В далекое прошлое спрятаны, / в тайнике укрыты / ум коми народа, / его сила, мощь' [Лужиков 2001, 5].

С образом Перы в поэме непосредственно связан образ лирического героя как главного героя произведения, который определяет все его звучание. Лирический герой – поэт, человек наших дней, ощущает себя прямым потомком древнего богатыря: Пера для него, как и в народном предании, – исторический предок. Будучи связанным тесной вневременной духовной связью в лице Перы с предками народа коми, лирический герой ощущает себя его наследником и, в какой-то степени, – даже двойником, что можно расценивать как «вмещен-

ность» в одном герое двух судеб, двух жизней» [Горинова 2015, 54]: «Тэкдд өтти сикөтшын / менам олём, Перай. / Тэкдд, Пера, йитчёма / бёрддёмой и серамой. / Откодь ловным-сьёлёмным, / вирным миян сөнъясын» 'С тобой в одной связке / моя жизнь, Пера. / С тобой, Пера, связаны / плач мой и смех мой. / Одинаковы души наши и сердца, / кровь, текущая по нашим венам' [Лужиков 2001, 12]. Лирический герой поэмы А. Лужикова, принимает на себя роль потомка-поэта и выступает здесь как хранитель памяти о прошлом народа, хранитель уже свершившегося, образно говоря, как сосуд, в котором хранятся его жизненные и моральные принципы, особенности характера и язык. Думается, именно поэтому монолог лирического героя насыщен реминисценциями из произведений коми фольклора, именами их героев, сюжетами, мотивами.

Вместе с тем, облик лирического героя – это и личность, переживающая нравственный кризис: многие части поэмы представляют собой его размышления о судьбах родного народа, переживания за его будущее, а также тяжелые рефлексии о собственной судьбе и о судьбе своего творчества. Лирический герой обостренно переживает все диссонансы жизни, испытывает разочарование, порой отчаивается, чувствуя растерянность и одиночество. С этой точки зрения, поэма А. Лужикова представляет собой монолог, долгую исповедь одинокого, исстрадавшегося сердца, выражающую трагедию индивидуального творческого сознания. Так, создавая образы Перы-богатыря и лирического героя, А. Лужиков выходит на значимую для его творчества тему личности и народа. Охотник-богатырь Пера в поэме, как неординарная, выдающаяся личность, – яркий представитель своего народа, одновременно выделенный из него и в то же время слитый с ним. Это обобщенный образ всего коми народа: его характера, жизненных и моральных принципов. Лирический же герой поэмы изначально отделен от народа. Это образ одинокой, потерянной, не нашедшей своего пути и не понявшей своего жизненного предназначения личности, потерявшей ориентиры, и в этом – суть трагедии: «кытчö олöмыс нуö-кылöддö» 'куда жизнь несет меня' [Лужиков 2001: 3], «чаг моз менö кылöддö» 'как щепку меня несет по течению жизни' [Лужиков 2001, 3]. Опору для себя лирический герой находит лишь в прошлом родного народа, а ощущение кровного и духовного родства с Перы-богатырем создает цельность его образа.

В нем оживает древняя вера поэта в силу слова, которое может воздействовать на природу и даже на смерть, способно воскресить умершего героя, а вместе с ним спасти от исчезновения, сохранить, возродить и весь народ. Благодаря своему творчеству, лирический герой поэмы А. Лужикова принимает на себя облик демиурга – человека, способного с помощью поэтического слова не только оживить Перу-богатыря, но и возродить, вернуть к истокам и родной народ. Сама поэзия в его понимании – «акт перформативный, магический, а поэт – зодчий нового бытия. Его творчество – это богочеловеческий процесс воплощения логоса, в котором слово становится плотью, метафизическая реальность обретает физическое существование» [Жеребин 2015, 39].

Обращаясь со словами плача к Пера, лирический герой заклинает его ожить, воскреснуть для новой жизни: «Садьмы, Пера, югыд шондйой, / аттö дыр нин узян» 'Просыпайся, Пера, ясное солнце мое, / слишком долгод твой сон' [Лужиков 2001, 4]. «Вордан кыв» (заговорное слово), «ловъя ва» (живая вода), заимство-

ванные из лексикона коми заговоров и сказок, здесь символизируют творчество поэта, его веру в живительную силу собственного поэтического слова, способного сохранить главные ценности родного народа, как в фольклоре «нимкыв» символизирует идею власти слова над именами явлений и вещей окружающего мира [Уляшев 1999, 256]. Таким образом, плач-призыв лирического героя – это своеобразный акт творческого воображения: лирический герой поэмы – поэт – словно чувствует силы своим творчеством оживить Перу-богатыря, а свою миссию на земле видит в том, чтобы возродить свой народ, сохранить его в своем слове, в своих произведениях.

Антагонистами лирического героя являются в поэме А. Лужикова *Ёма* (Ведьма) и *Гундыр* (Дракон). Антигерои коми народных сказок, в поэме они не столько противостоят самому лирическому герою, сколько олицетворяют силу, разрушающую коми народ, его жизненный уклад, традиции. Интересна в произведении трансформация этих образов. Призывая богатыря Перу воскреснуть и освободить Коми землю от Ёмы и Гундыра, автор поэмы вновь указывает читателю на связь поэмы с устным народным творчеством коми, с текстами преданий, в которых «богатыри как бы призваны освободить мир от избытка хтонических существ, персонифицирующих хаотическое начало» [Лимеров 1998, 41]. Лирический герой, оплакивая богатыря Перу и таким образом стремясь воскресить его и его духовные силы в коми народе, ищет пути восстановления морального и физического облика зырян, что позволит коми человеку противостоять Гундыру, отстоять свои права, свою правду, свою жизнь.

Поэма А. Лужикова «Бёрданаёй, Пераёй...», созданная незадолго до трагической смерти автора, в контексте его жизненного пути и творчества, а также в контексте всей современной коми литературы, приобретает глубокий символический смысл. В образе лирического героя произведения (современного поэта, в котором угадываются черты самого автора) раскрываются духовный облик, внутренний мир человека, равнодушного к судьбе своей родной земли и ее народа.

Поэмы А. Лужикова – это качественно новый этап развития коми поэмы и в целом коми литературы. Прежде всего, это касается изменения характера героя произведений: автор не следует традициям национальной словесности в изображении зырянина; поэт не показывает человека, способного на трудовые и военные подвиги; не раскрывает характера хорошего товарища и доброго отца, к которому уважительно относятся окружающего его люди; герой А. Лужикова – не оплот, не основа добродетельной жизни, как это было в большей части доперестроечной литературы коми. Поэмы Лужикова отображают предельно сомневающуюся личность, не обладающую цельным характером (в связи с этим в его творчестве частый мотив – двойничество, выявляющее расщепленное сознание современника) и способную совершить моральное преступление, что приводит коми к самобичеванию, истязанию себя изнутри. При этом зырянин, раскрываемый А. Лужиковым через своего героя, это проекция личности автора, страдающего и переживающего муки совести не столько из-за своих нравственных прегрешений, сколько из-за совершенных в прошлом и в настоящем проступков своего народа. Рефлексии автора, его внутренние переживания, связанные с народом коми, лежат в основе его поэм, определяя структурно-семантические особенно-

сти произведений. Отсюда – глубокий лиризм, пронизывающий каждый мотив, каждый образ, каждый ритмообразующий элемент его поэм.

Второе, что объединяет поэмы А. Лужикова, – поиск лирическим субъектом героя в буквальном смысле этого слова, человека, способного отстоять национальные интересы своего народа, остановить процесс ассимиляцию коми с русскими, потерю зырянами своей самобытности, уникальности, утрату своего языка, вернуть коми народу былую славу, национальное достоинство. Оба произведения выявляют отсутствие такового в современном обществе, поэтому автор обращает свой взор в историческое и мифологическое прошлое народа коми, раскрывая значимость деятельности таких личностей, как Стефан Пермский и богатырь-охотник Пера. А. Лужиков в поэмах возвеличивает их подвиги, подчеркивая необходимость возрождения утверждаемых ими идеалов. Напомним, в поэмах предыдущих периодов проблема поиска героя не была столь очевидной: раскрываемые авторами характеры уже представляли собой героев, полных решимости и сил в борьбе с различными злоключениями и трудностями. Поиски А. Лужиковым героя в современном обществе, скорее всего, обусловлены не столько инфантильностью и духовной слабостью современных коми, сколько обострившимися на рубеже XX–XXI вв. национальными вопросами. Как отмечают исследователи, к кон. 1980-х гг. политика центра по отношению к отдельным народностям имела множество перекосов: при решении экономических, социальных, миграционных, экологических проблем власти редко учитывали интересы, обычаи, особенности хозяйственной жизни коренного населения в регионе [Попов, Нестерова 2004, 673–674]. Поэмы А. Лужикова, резко очерчивая проблемы своего народа, выявляют непримиримость автора в их решении не столько в политическом или государственном ракурсе, сколько в реставрации духовного облика древнего коми человека, в утверждении его нравственных идеалов, его стремления защитить свой народ.

ЛИТЕРАТУРА

Горинова Н. В. Мотив двойничества в поэзии А. Лужикова // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. 2015. С. 48–55.

Горинова Н. В. Феномен двойничества в драме А. Лужикова «Ыджыд висьӧм» (Большая болезнь) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. 2013. С. 46–54.

Демин В. Н. Александр Михайлович Лужиков // Писатели Коми: Биобиблиографический словарь. В 2 т. Т. 1. Сыктывкар, 1995. С. 333–336.

Демин В. Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 316 с.

Демин В. Н. Коми поэма. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 144 с.

Ельцова Е. В. «Пел молодой поэт...»: образ И. А. Куратова в коми поэзии XX в. // И. А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества. Сборник по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). Сыктывкар, 2015. С. 134–142.

Жеребин А. И. Роман Гельдерлина «Гиперион» и утопия «Третьего Царства» в европейской культуре // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 74. 2015. № 5. С. 38–44.

Конаков Н. Д. Йиркап // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина. ... М.-Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. С. 169–170.

Конаков Н. Д. Пера // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина... М.-Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. С. 298–303.

Лимеров П. Ф. Коми несказочная проза. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1998. 96 с.

Лужиков А. М. Бёрданаой, Пераой, югыд шондйой: поэма // Войвыв кодзув, 2001. 5 №. 3–12 л.б.

Лужиков А. М. Енэжшёрса ордым. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 128 с.

Микушев А. К., Плесовский Ф. В. Причитания // История коми литературы. Т. 1. Фольклор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 42–68.

Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г. Песни Выми и Удоры // Коми народные песни. Т. 3. М.: Московский писатель, 1995. С. 5–20.

Плесовский Ф. В. Сказки. Предания // История коми литературы. Т. 1. Фольклор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 84–119.

Попов А. А., Нестерова Н. А. Национально-государственное и культурное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации в 90-е гг. // История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 673–674.

Уляшев О. И. Гундыр // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина... М.-Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. С. 136.

Уляшев О. И. Нимкыв // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина... М.-Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. С. 256–258.

Филиппова В. В. Специфика композиции причитаний северо-западных коми // Филиппова В. В. Традиционная культура и фольклор коми: сборник трудов. Сыктывкар: Издат. дом Коми, 2014. 256 с.

Поступила в редакцию 16.04.2017

Горинова Наталья Васильевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: ngorinova@mail.ru

Ельцова Елена Власовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26
e-mail: alena.eltsova@mail.ru

N. V. Gorinova, E. V. Eltsova

Structural and poetic originality of poems by A. Luzhikov

A. Luzhikov is a modern Komi poet, the author of such poems as «Komi poem» (1988), «One story» (1994), «My Pera lamented, my bright sun» (2001). One of the characteristics of his poems is multi-layeredness: fusion of historic events with mythological plots, as well as inclusion of real people along with the Komi legendary or fairytale characters into plots. A. Luzhikov's poetry reveals the poet's deepest feelings about the fate of the Komi nation,

allows to understand the nature of a Komi person and his/ her development in historical and mythological aspects. In «Komi poem», the author refers to the topic of political repressions in the 1930s. A. Luzhikov's writing confronts Komi poems of the Soviet period: A. Luzhikov's hero is the anti-hero, who has neither moral firmness, nor greatness of soul or an ability to overcome life hardships. De-heroization of the hero is a consequence of the de-ideologization of the society during the 1990s. The poem «My lamented Pera, my bright sun» is a lyrical and philosophical work where the author uses many structural and poetic devices of ritual funeral lamentation such as different repetitions, syntactic parallelism and formula images. A hero-hunter Pera from a Komi legend, the symbol of the Komi people, is mourned. Bemoaning him, the lyrical hero bemoans his own people, their greatness in the past. The poems by A. Luzhikov show a qualitatively new stage of the Komi poem development.

Keywords: modern Komi poem, A. Luzhikov, folk tradition, lyrical hero, image, folk story, ritual funeral lament, lament-poem, the theme of repression, the theme of power and person, national character, motive, metaphor, symbol, composition.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2, pp. 67–79. In Russian.

REFERENCES

Gorinova N. V. Motiv dvoynichestva v poezii A. Luzhikova [Motif of duality in the poetry by A. Luzhikov]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2015. vol. 1, Is. 2, pp. 48–55. In Russian.

Gorinova N. V. Fenomen dvoynichestva v drame A. Luzhikova «Ydzhyd vis'om» (Bol'shaya bolezni') [The phenomenon of duality in A. Luzhikov's drama «Yidzhyd visyom» (The Big Disease)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2013, vol. 2, Is. 2, pp. 46–54. In Russian.

Demin V. N. Aleksandr Mikhaylovich Luzhikov [Alexander Mikhailovich Luzhikov]. Pisateli Komi: Biobibliograficheskiy slovar'. V 2 t. T.1. [Bibliographic Dictionary. In 2 vol. Vol. 1]. Syktyvkar, 1995, pp. 333–336. In Russian.

Demin V. N. Istoriya i tipologiya zhanrov komi poezii [History and typology of genres of Komi poetry]. Yekaterinburg: UrB RAS, 1997. 316 p. In Russian.

Demin V. N. Komi poema [The Komi poem]. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1978. 144 p. In Russian.

Eltsova E. V. «Pel molodoy poet...»: obraz I. A. Kuratova v komi poezii XX v. [«A young poet sang ...»: the image of I. A. Kuratov in the Komi poetry of the 20th century]. I. A. Kuratov: opyt osmysleniya zhizni i tvorchestva. Sbornik po itogam simpoziuma, rabotavshego v ramkakh II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Filologicheskiye issledovaniya – 2014» (Syktyvkar, 14–17 oktyabrya 2014 g.) [IA Kuratov: experience of comprehension of life and creativity. A compilation of the results of a symposium within the framework of the II All-Russian Scientific Conference «Philological Studies – 2014» (Syktyvkar, October 14–17, 2014). Syktyvkar, 2015. pp. 134–142. In Russian.

Zherebin A. I. Roman Gel'derlina «Giperion» i utopiya «Tret'yego Tsarstva» v yevropeyskoy kul'ture [The novel «Hiperion» by Gelderlin and the Utopia of “the Third Kingdom” in European culture] // Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of the Russian academy of sciences A series of literature and language]. V. 74. 2015. № 5, pp. 38–44. In Russian.

Konakov N. D. Yirkap [Yirkap] Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya Komi [Encyclopedia of the Ural mythologies. V. 1. Mythology of the Komi] / Edited by ND Konakov, AN Vlasov, IV Ilyina... M.-Syktyvkar: Publishing House of DIC, 1999, pp. 169–170. In Russian.

Konakov N. D. Pera [Pera] Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya Komi [Encyclopedia of the Ural mythologies. V. 1. Mythology of the Komi] / Edited by ND Konakov, AN Vlasov, IV Ilyina... M.-Syktyvkar: Publishing House of DIC, 1999, pp. 298–303. In Russian.

Limerov P. F. Komi neskazochnaya proza [Komi unsubstantiated prose]. Syktyvkar: Syktyvkarskiy universitet, 1998. 96 p. In Russian.

Luzhikov A. M. Enezhshorsa ordym [Heavenly path]. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1994. 128 pp. In Komi.

Mikushev A. K., Plesovsky F. V. Prichitaniya [Lamentations] Istoriya komi literatury. T. 1. Fol'klor [The history of Komi literature. V.1. Folklore]. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1979. Pp. 42–68. In Russian.

Mikushev A. K., Chistalev P. I., Rochev U. G. Pesni Vymi i Udory [Songs of Vymi and Udory] Komi narodnyye pesni [Komi folk songs]. V. 3. Moscow: «The Moscow Writer», 1995. Pp. 5–20. In Russian.

Plesovskiy F. V. Skazki. Predaniya [Fairy tales. Tells] Istoriya komi literatury. T. 1. Fol'klor [The history of Komi literature. V. 1. Folklore] Syktyvkar: Komi book publishing house, 1979. Pp. 84–119. In Russian.

Popov A. A., Nesterova N. A. Natsional'no-gosudarstvennoye i kul'turnoye razvitiye Respubliki Komi v sostave Rossiyskoy Federatsii v 90-ye gg. [National-state and cultural development of the Komi Republic in the Russian Federation in the 1990s.] Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka. T. 2. [History of the Komi from ancient times to the end of the 20th century. V. 2] Syktyvkar: Komi book publishing house, 2004. Pp. 673–674. In Russian.

Ulyashev O. I. Gundyr [Gundyr] Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya Komi [Encyclopedia of the Ural mythologies. V. 1. Mythology of the Komi] / Edited by ND Konakov, AN Vlasov, IV Ilyina... M.-Syktyvkar: Publishing House of DIC, 1999. P. 136. In Russian.

Ulyashev O. I. Nymkiv [Spell] Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya Komi [Encyclopedia of the Ural mythologies. V. 1. Mythology of the Komi] / Edited by ND Konakov, AN Vlasov, IV Ilyina... M.-Syktyvkar: Publishing House of DIC, 1999. Pp. 256–258. In Russian.

Filippova V. V. Spetsifika kompozitsii prichitaniy severo-zapadnykh komi [Specificity of composition of lamentations of the northwestern Komi] Filippova V. V. Traditsionnaya kul'tura i fol'klor komi: sbornik trudov [Traditional culture and folklore of the Komi: collection of works]. Syktyvkar: Publishing house Komi, 2014. 256 p. In Russian.

Received 16.04.2017

Gorinova Natalia Vasilievna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Institute of language, literature and history of the Komi research center,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
GSP-2, 26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar 167982, Russian Federation
e-mail: ngorinova@mail.ru

Eltsova Elena Vlasovna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Institute of language, literature and history of the Komi research center,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
GSP-2, 26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar 167982, Russian Federation
e-mail: alena.eltsova@mail.ru